

КЛИТИКИ В «ПРОСТОЙ МОВЕ». ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ И ЧАСТИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕТЬИ 1489 Г.)

Екатерина Андреевна Смирнова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: katarzina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5763-6662

Аннотация

В исследовании дается характеристика поведения клитик в «простой мове». Частица *ся* в Четье иногда может стоять в ранее невозможной позиции — после неодночленной актантной группы; кроме того, клитика *ся* рассматривается в Четье в рамках устоявшихся синтаксических клише. В статье также описаны характерные особенности употребления частиц *бы* и *чи* (с модальным оттенком значения, близким современным частицам *разве*, *неужели*), функционально поменявших синтаксическую роль клитик на союзную. Исследование проведено на материале Четы(-Минеи) 1489 г., дидактические гомилии (проповеди) которой, осуждая пороки и восхваляя добродетели, демонстрируют функциональное разнообразие местоимений. При употреблении личного местоимения 1 л. ед. ч. в памятнике наблюдается стилистическая дистрибуция: церковнославянская форма *а́зъ* используется преимущественно в речи, принадлежащей Господу, а разговорная «простомовная» форма *я* — в речи апостолов и пророков. Характерным для Четы является частотное определительное местоимение *сам*, которое может выражать кореференцию с субъектом предложения и функционально сближаться с категорией возвратности. Местоимения могут употребляться в памятнике как самостоятельные единицы, так и в анафорических цепочках с кореферентностью местоимения и антecedента. Или некореферентностью — если местоимение отсылает ко всему предшествующему предложению (т. е. выступает в функции детерминатива). В силу жанровых особенностей текст Четы характеризуется повышенной персузивностью и генерализацией изложения. Это достигается, в частности, синтаксическим приемом — анафорическими цепочками с кванторным антecedентом (подобный тип связи называется *связывание переменной*). Квантор в преобладающем большинстве случаев выражается местоимениями *хто* или (реже) *которы*, *всякъ*, объединяемыми гиперонимом ‘всякий, любой’ и входящими в синтаксическую конструкцию: (*всякий*) *кто...*, *тот...*

Ключевые слова

«Проста мова», Четья 1489 года, местоименный узус, клитики, анафорические цепочки, кванторный антecedент

Статья поступила в редакцию 11 июня 2025 г.

Статья доработана автором 20 ноября 2025 г.

Статья принята в печать 24 ноября 2025 г.

Цитирование: Смирнова Е. А. Клитики в «простой мове». Особенности функционирования местоимений и частиц (на материале Четы 1489 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2025. Т. 20. № 3–4. С. 237–250. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.11>

CLITICS IN PROSTA MOVA. THE USAGE OF PRONOUNS AND PARTICLES IN 1489 MENAION READER (CHET'YA-MINEYA)

Ekaterina A. Smirnova

Ph. D., Senior Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: katarzina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5763-6662

Abstract

The article addresses the functions of pronouns and some non-pronominal clitics in the Prosta Mova. As a corpus it uses the 1489 Menaion Reader (Chet'ya-Mineya). In the capacity of the 1st person singular pronoun, the Church Slavonic form *аꙗъ* (az) is used in the speech attributed to God, while the form *иа* (ya) is used in the speech attributed to apostles and prophets. One of the characteristic features of the text is the frequent use of the reflexive pronoun *сам* ‘(one)self,’ which can express coreference with the sentence subject and functionally approach the category of reflexivity. The clitic *ся* (sya) occurs in Chet'ya in well-established syntactic clichés.

The article also describes the functions of the particle *бы* (by), used in the text as a conjunction in the clause-initial position; and of the interrogative particle *чи* (chi) close in the meaning to the Modern Russian particles *разве, неужели* (razve, neuzheli).

The text frequently uses the correlative construction with the relative pronoun *кто* (kto) or (less often) *который*, sometimes modified by the universal quantifier *всакъ*. The correlate then is the pronoun to ‘that’.

Keywords

Prosta mova, Menaion Reader 1489, pronouns, clitics, anaphoric chains, quantifier antecedent.

Received 11 June 2025

Revised 20 November 2025

Accepted 24 November 2025

For citation: Smirnova, E. A., 2025. Clitics in Prosta Mova. The Usage of Pronouns and Particles in 1489 Menaion Reader (Chet'ya-Mineya). *Slavic World in the Third Millennium*, 20 (3–4), pp. 237–250. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2025.20.3-4.11>

Исследование посвящено описанию характерных «простомовных» черт в узусе местоимений и частиц в конфессиональном памятнике XV в. — Четье-Мине 1489 г. Языковая основа Четыи является церковнославянской, однако диалектные черты «простой мовы» уже отчетливо проявляются в тексте памятника и вписываются в общую картину становления и развития литературного языка Великого княжества Литовского.

Четыя 1489 г.¹ состоит из двух частей: Торжественника минейного и Златоуста пятидесятого, переплетенных вместе в конце XV в. Основным писцом был попович Березка (из района Берестя или из Подляшья), сын литовского попа Симеона Долбича. Имена еще троих писцов, работавших над текстом Торжественника, неизвестны. Данное исследование проводилось на материале второй части Четыи (лл. 288–375), написанной одним писцом и являющейся комбинацией бесед Иоанна Златоуста и Измарагда.

По мнению Л. Гнатенко, кодексы стоит считать скорее копиями, нежели списками², так как их основные фонетические, морфологические и лексические особенности являются чисто украинскими или общими для украинского и белорусского языков. Четье присущи черты юго-западного белорусского³ и северо-украинского наречий, которые, безусловно, граничили и контактировали между собой.

Кодексы переписаны с древних протографов, правописание которых было двуеровым и одноюсовым (ѧ). Палеографический анализ показал, что временем перевода текстов следует считать не 1489 г. (6997), а намного более ранний, и сделаны они были в одном скриптории⁴. Торжественник был переписан с рукописи 1397 г. (6905), тогда же был сделан перевод с церковнославянского на «просту мову». Протографом, с которого был сплан Златоуст, является рукопись, созданная не позднее середины XIV века, — к этому времени складывается прототип Торжественника триодного и Златоуста как сборников проповедей. Графико-орфографические особенности памятника отражают систему орфографии украинских скрипториев конца XIV — начала XV в.

I. Язык памятника имеет ряд характерных особенностей местоименного узуса. Для личных местоимений в «простой мове», как в древнерусском языке, характерно употребление параллельных полноударных (ортотонических) форм и энклитик. Последние являются языковой нормой, а полно-

¹ Памятник хранится в Институте рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, ф. 301 (ЦАМ КДА), № 415 Л.

² Гнатенко Л. А. Палеографічно-орфографічна атрибуція української кириличної рукописної книги: Уставні та півуставні кодекси кінця XIII — початку XVII ст. / Відп. ред. Л. А. Дубровіна; НАН України, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, Інститут рукопису. Київ, 2016. С. 291.

³ Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. Т. 1. С. 87.

⁴ Гнатенко Л. А. Палеографічно-орфографічна атрибуція... С. 292–293.

ударные формы обычно имеют семантическую причину⁵ — в Четье, как правило, это эмфатическое употребление или противопоставление. Дублетные формы фиксируются в ACC (мѧ, тѧ // мене, тебе) и DAT (ми, ти // миńč, тобѣ). В исторических грамматиках белорусского (ACC мѧ, тѧ // мене, тебе и DAT ми, ти // миńč, тобѣ, тобѣ)⁶ и украинского языка (ACC мѧ, тѧ // мене, тебе и DAT ми, ти // миńč, миńč, тобѣ, тобѣ)⁷ приводятся сходные оппозиции.

Примеры дублетных форм в ACC: жаденъ бы не напоисте мѧ нагъ бы не шелкосте мѧ (л. 289 об.); прииди воспытаэм тѧ июдо. чого для предаешь га. чи оулишил тѧ чимъ ѿ вункѣ свой. не тоє жъ ли ути оучастникъ еси выль. коли ноги хестъ в'ункѡ свои чимъ оумыва. скими стыими рукаами. так' же и твои оумы. не в'лишиль тѧ ѿ оуункѣ свой. ни шдное чути. а ты предати его ствю матъ в'шврожилъ сѧ. а шнъ нинимъ не хот'єлъ ѿ апостоловъ ѿлучити тебе. а в'єдага лесть твою и венчерили тобѣ веатъ со собою. <...> а шнъ рекаль на венчери. хто дей со мною. в' солило рѣкоу шлючъ. тотъ мѧ предастъ. (лл. 319 об.–320); помилю мѧ не веди его сѣнъ. его во голосъ мене оустраши. (л. 321 об.); прошю тебе. не веди его сѣнъ. (л. 322);

и в DAT: заню альченъ бы. не дасте ми гасти. (л. 289 об.); приид'єте ко миńč вси троужаюши сѧ швр'єленени. (л. 299); а не рекаль тобѣ. предаешь. оустань ѿ венчери предателю мои. заню негодно тобѣ со мною венчери. (лл. 319 об.–320); и исъ тобѣ рекаль еси. жено по в'єре твоеми боуди тобѣ. как же хощеши. (л. 321); и оумераль бы лазори дрѣгъ его. похвати дшю его. и приведохъ его к тобѣ брате мои аде. (л. 321 об.); и рекаль адъ дыяволоу. лиши сѧ его. штобы ти не было горбки. (л. 322 об.); и аще ти сѧ приклиюй болѣзнью не оуложи хоулы на баф. (л. 301 об.).

Следует отметить, что в грамматиках Лаврентия Зизания 1596 г. и Мелетия Смотрицкого 1619 г., отразивших «простомовные» языковые черты в отдельных дефинициях и некоторых грамматических конструкциях, эти формы личных местоимений приводятся как синонимичные: DAT миńč, тобѣ и/или ми, ти; ACC мене, тебе и/или мѧ, тѧ⁸, без уточнения возможной семантической или синтаксической дистрибуции. В единственной «простомовной» грамматике, написанной на латыни И. Ужевичем и появившейся в 1643 г., представлены сходные варианты форм: DAT мене, миńč, тебе, тобѣ и/или ми, ти; ACC мене, мене, тебе и/или мѧ, тѧ (лл. 18–18а). Дублетные формы личных местоимений в «простой мове» могли появляться из-за

⁵ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки русской культуры, 2008. С. 132.

⁶ Янкоўскі А. М. Гістарычна граматыка беларускай мовы. Вучэб. дапаможнік для філал. фак. пед. ін-таў. 2-е выд., выпр. і дап. Мінск: Выш. школа, 1983. С. 147.

⁷ Бевзенко С. П. Історична морфологія української мови (Нариси із словозміни та словотвору). Ужгород: Закарпатське обласне видавництво, 1960. С. 146.

⁸ Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой, предисловие Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. М.: Издательство Московского университета, 2000. С. 67, 259–260.

польского языкового влияния: DAT *mnie, mi; tobie, ti*; ACC *mnie, mię, mie; ciebie, cię, cie⁹*.

При употреблении личного местоимения 1 л. ед. ч. в Четье наблюдается стилистическая дистрибуция: церковнославянская форма *а́зъ* используется в прямой речи, принадлежащей Господу, чтобы подчеркнуть божественную сущность, или в словах Иоанна Златоуста как Отца Церкви, богослова и истолкователя Священного Писания. Напротив, речь пророков или апостолов передается с «простомовной» формой *иа*, которая очевидно, была присуща живой речи уже в XI в. (по крайней мере, ее фиксации встречаются уже в памятниках начала XII в.¹⁰). В грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого подобной дистрибуции не зафиксировано, приводится только церковнославянская форма *а́зъ*. В исторических грамматиках белорусского и украинского языка указывается форма *иа́зъ*¹¹.

Примеры прямой речи, принадлежащей Господу: *рѣ бо г҃ь законъ датъ людемъ своимъ не сотворѣте на земли подовна образоу моемоу. и нѣ бо ба развѣ имене· ни на нѣсѣхъ ни на земли· ни въ водѣ· азъ бо роукою мою оутвержди нбса· азъ же постави солнце на просвещеніе улвкомъ· азъ поточихъ источники и рѣки· моя бо есть вселеная· и конецъ емъ не хою бо смерти грѣшико· но спѣши и жадаю· любя рода улвческа· не могуучи видѣти его· в лесть дыяволю оупадшаго· но того ради сондѣ с нбсю на землю· неизреченно вселих сѧ во ютровѣ преѹтое вѣце· присно дѣви мріи· (л. 290 об.); гласть бо г҃ь· не такого поста азъ прошо ѿ вѣа· (л. 292 об.); протохъ чоуете лъ послушати· и азъ сповѣдаю вамъ· хто есть цръ· цръ есть хѣсъ бѣ· а земля што кипаше швилисѧ благимъ· то есть сѣти цркви· (л. 298 об.)*

Прямая речь от лица пророков и апостолов: *дроугии прѣкъ рѣкать· иа вразумиблъ· што имаю ємоу слѹжити· <...> и ины рѣкать· иа вразумиблъ· што вѣнкъ его имає предати· и рѣко· гады моя хлѣбъ· винилъ есть на ма лестъ· (л. 318); и рѣкохъ иа иванъ [Иоанн Богослов]· ги оуслыши гла раба твоего· (л. 372 об.)*

Или ср. фрагменты, в которых повествование ведется от лица дьявола: *и дыяво ємъ рѣкать· ничего не вѣлаки с брате· не бай ихъ словъ· не бой сѧ нимала· ныне бо пришо· к нимъ ива кртитель· веселитъ ихъ· заноу великии рѣбуникъ есть· коли шнъ на земли бы живъ· и шнъ много поведа ѿ томъ улвце· а рѣкѹши· што хѣсъ спесъ нашъ есть· избавитель вѣк на· и иа вишо· во иродовѣ женоу· помощнику мою и любовьницу· и тою возмѣтиль еслии црл· и шнъ того ивана· на шефде сталь· и далъ его головоу· дѹсыцѣ свои дѣци· и шна кѣ таблокомъ играла· головою его· (лл. 318 об.–319); ѿшо еслии далеко ѿ него· и тамъ знашо еслии доброго молодца· вшодъ в него жи если· и шнъ ни саи не вѣдаю ѿшо*

⁹ Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. S. 157.

¹⁰ Бевзенко С. П. Исторична морфологія української мови... С. 151.

¹¹ Янкоўскі А. М. Гістарычна граматыка беларускай мовы... С. 147; Бевзенко С. П. Исторична морфологія української мови... С. 146.

пришолъ· запретилъ ли· вѣлѣ выйти с нѣго· и иа вышо^ж из молода· и не нашолъ аѣста коуда поити· и проси^х его· бы ли а оу свинятахъ дать моцъ· (л. 321).

II. Русский, белорусский и украинский языки относятся к С-системам, не имеющим кластеризуемых клитик¹². Тем не менее последние в памятнике частотны, и некоторые закономерности в их употреблении все же наблюдаются.

Возвратная частица *ся* может употребляться в Четье как до, так и после фонетического слова в клаузе. Стоит отметить, что в древнепольском языке, оказывавшем сильное влияние на развитие «простой мовы», возвратная частица *się* тоже не имела фиксированного места и могла находиться как до или после глагола, к которому она относится, так и отрываться от него¹³. Кроме того, в западно- и южнославянских языках нет запрета на постановку энклитики непосредственно после неодночленной актантной группы. В ряде примеров в памятнике *ся* стоит в новой позиции, в древности запрещенной, что является нарушением закона Ваккернагеля¹⁴, и синтаксически характеризует специфику языка Чети:

Заноу^ж бо в'си вельми ся радуютъ слышаши в' немъ· (л. 319); а шнъ какъ простыи члвкъ смерти ся богаль· (л. 324 об.); разбоиникъ есть дыаволъ· што илкѣнию ся радоує· (л. 310) и др.

Самая, пожалуй, распространенная позиция *ся* — после полноударного слова (или слов, см. лл. 293 об., 319, 340 об.; или, реже, в цепочке клитик, как в примере, см.: л. 301 об.), непосредственно перед глаголом, к которому она относится:

аще хто гнѣвъ имѣя· в сѣтю црковъ идеть· бѣ ся молити· (л. 293); ѿ чистѣ ср҃ца бѹ ся молити· (л. 293 об.); аще воздержимъ· тѣлы ѿ овѣтадѣниа· а дышено ѿ пытаньства· вгодили бѹ благими дѣлы· (л. 294); аще ти ся приклюочи болѣзни· не оуложи хоулы на ба· (л. 301 об.); Бесакъ члвкъ хрѣтъянинъ· хрѣтъ сѣтимъ постѣ· в бѣзѣ ся прискоити· долженъ есть правоє· пощѣниє исполнити· (л. 303 об.); тогда как' ся шлючилъ числа апльскаго иуда· (л. 320); и речать иль ангѣлъ што ся явилъ иль· (л. 328 об.); а многимъ ся нароугаю· (л. 340 об.); так' же и пытаници иныи ся оуснехдають· а сали тако свинѧ в лѣжи ся валлю· (л. 340 об.); поуали ся дивити· (л. 343); бѹ ся молѣни (л. 351); а смерти ся не богаль· (л. 320 об.).

Употребления *ся* в цепочке клитик с причинным союзом *бо* ('потому что') являются синтаксическими клише. Они встречаются в других «простомовных» памятниках (первый пример из Евангелия В. Тяпинского ок. 1580 г. (далее ЕТ) и выступают как часть персузивного дискурса:

ѹїрвонеєт'ца бо ся нѣко [Мф 16:2]; не радоуетъ бо ся гъ· в' впадающъ бо грѣхи· (л. 291); приближи бо ся вѣ цртко нѣноє· (л. 296 об.); богали бо ся·

¹² Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языкоznания. М., 2012. № 5. С. 32.

¹³ Rospond S. Gramatyka historyczna jêzyka polskiego... S. 199.

¹⁴ Зализнак А. А. Древнерусские энклитики... С. 81-82.

(л. 328 об.); каюшихъ во сѧ бѣ покание приемлеть (л. 309 об.); приближи во сѧ вамъ цртво нбное (л. 309 об.); радоуетъ во сѧ бѣ и спнни нашемъ (л. 313 об.); приближи во сѧ вамъ цртво нбное (л. 313 об.); воплошилъ во сѧ и тебе (л. 325); не соромиеть во сѧ (л. 328 об.); сотвори во сѧ тогда и соборе див'ое чудо (л. 352 об.).

Возвратная частица также может отделяться от глагола агенсом или дополнением, выраженным, как правило, личными местоимениями, а также наречиями (пакъ, вельми). При этом возможна пост- и препозиция относительно глагола:

тако сѧ бѣ роскалахъ и гневѣ своѣ (л. 329 об.); коль краты сѧ бѹ швѣца-еши (л. 369 об.); ныне сѧ моє прѣчество исполнило (л. 324 об.);

што сѧ намъ пригажає (л. 330); оуличъ сѧ его прѣменилъ (л. 307 об.); того ради преже страстей слово утятъ сѧ да сѧ к нимъ приготовимъ (л. 311); тросоу бо ми сѧ состави и члон'кове; оустрашаєтъ ми сѧ срѣ (л. 319 об.); вже сѧ тобѣ приближила мѹка (л. 360);

аще сѧ пакъ шслабицъ то въ всуню мѹкѹ пондеітъ (л. 310); аz' же сѧ вельми разгнѣвѣ на него (л. 321).

Частица ся может «отрываться» от глагола и оказываться в пре- или постпозиции относительно глагола, к которому она относится, будучи в составе сложной глагольной формы или наклонения:

што сѧ если запрѣтъ его (л. 328 об.) — в составе перфекта;

ѡселе не имѣть ми противети (л. 321 об.) — в составе сложного будущего I;

ре бо дѣльф да исправи млѣта мѹга (л. 308 об.) — в составе повелительного наклонения;

коли бы имѣть с него силы; змагаі выхъ сѧ с нимъ и переже (л. 322); штобы сѧ не порадовали нашимъ вездаконъемъ; того ради мѹѣми сѧ уѣвколюб'ю бѹ (л. 305) — в составе условного наклонения.

Как видно из последнего примера, бы может не быть энклитикой, если это начальное полноударное слово в абсолютном начале клаузы (ср. маркированные «простомовные» формы типа бысь, бысли и др., образованные под влиянием польского условного наклонения: *by* + показатель лица и числа (*by-śty*, *by-ście*)). Это возможно, если бы выступает в функции союза, не характерной для энклитики¹⁵. Аналогичные формы, сформировавшиеся под польским языковым влиянием, встречаются и в ЕТ: ажѣты, аѣты, ижѣты, жѣбы¹⁶. Зализняк называет подобные употребления проклитико-энклитическими комплексами¹⁷: да+жѣ=дајѣ, да+бѣ=даѣ.

¹⁵ Вимер Б. Между наклонением и фосилизацией: о многоликой судьбе клитики бы // У prostoru lingvističke slavistike: Zbornik naučnih radova. Povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera. Београд: Филолошки факултет, 2015.

¹⁶ Смирнова Е. А. Евангелие Василия Тяпинского. К реконструкции глагольной системы «простой мовы» / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. С. 85. DOI: 10.31168/7576-0507-4

¹⁷ Зализняк А. А. Древнерусские энклитики... С. 76–77.

Чада моя· рѣоует сѧ срѣце мое ш вѣ· да быстѣ благо сотворили· (л. 293 об.); размысльно вѣре· что бы хотѣлъ ѿрѣдовати къ црю· прежде во· до старшего слѣги приидетъ· да бы сего швестиаль· а вондѣ въолиъ согрешиаль· то вѣльми ш неній пеуалоуетъ сѧ црь· да бы ѿправданъ бы· (л. 298); глюще· ажъ бы тѣла своя соблюсти· (л. 310 об.); атъ бы не вишѣ сѣлю· затвори· (л. 324); ажъ бы выхоли вѣрили· што жъ посполь инаемъ оуетати изъ мертвѣ в'си· (л. 325 об.); да быхоли сѧ не соблагнили разоумо дыаволили блoudъ· (л. 363 об.); помазати стое тѣло є· абы вуистомъ было· (л. 328); оуказываючи илиъ· ажъ бы видѣли ищесто гдѣ лежа· (л. 328 об.); англъ рекль жона· акы поведали аплонъ· штобы шли в' галелѣю· (л. 329); авыхоли сѧ накаӡнили· и ѿпак исправили сѧ· (л. 329 об.); ажъбы даромъ пригажало сѧ на насть· (л. 330).

В современном польском языке *by*, начинающее клаузу и одновременно выступающее в качестве союза, присоединяющего придаточное предложение, также является показателем сослагательного наклонения. Эта союзная функция *by* более поздня, что связано с изменением поведения энклитики¹⁸.

Во второй части Четыи четыре раза фиксируется частица *чи*, с дополнительным модальным значением, характерным для древнерусских памятников и близким современным частицам *разве*, *неужели*¹⁹: прииди воспытаем тѧ июдо· чого для продаешь га· чи оулишилъ тѧ чимъ ѿ вунгъ свой· (л. 319 об.); чи не говорилъ ти если· лиши сѧ его· (л. 324); чи забыла если· но мы не забыли· оукоре написахомъ ваша дѣла· еже согрешила если оу стое воскрѣни· (л. 356); чи забыли есть свой злы дѣль· но мы не забыли· (л. 366). В риторическом вопросе частица приобретает дополнительное модальное значение сомнения, предположения. Обычно для говоров украинско-белорусского пограничья указывают как характерную черту употребление вопросительной частицы *ти*, а *чи* (*чи*) рассматриваются в качестве равноправных фонетических вариантов²⁰. Вариативность *ти* // *чи*, вероятно, связана со свойственной белорусскому языку аффрицированностью [т'с'], или цеканьем²¹. Вариативность *чи* // *чи*, по материалам памятников XI–XIV вв., также существенных отличий не отражает и позволяет рассматривать их, несмотря на различное происхождение, как варианты одной единицы²².

¹⁸ Вимер Б. Между наклонением и фоссилизацией...

¹⁹ Птенцова А. А. Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и в современных диалектах // Вопросы русского языкоznания. Функциональные и семантические характеристики, высказывания, слова / Под ред. М. Л. Ремневой и Е. В. Клобукова. М.: Изд-во МГУ, 2000. Вып. 8. С. 212.

²⁰ Рыко А. И. Вопросительная частица *чи* разделительный союз: *ти* в говорах русско-белорусского пограничья // Северно-русские говоры / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. Вып. 17. С. 184, 186.

²¹ Карский Е. Ф. Белоруссы. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1908. Т. II. С. 434, 449.

²² Птенцова А. А. Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ)... С. 210–211.

III. Синтаксическая структура памятника характеризуется наличием регулярных анафорических цепочек с местоимениями и последовательным / параллельным подчинением. В описываемых случаях антецедент и местоимение кореферентны, то есть обозначают один и тот же объект (полужирным выделен антецедент, подчеркиванием — заменяющее его местоимение).

Примеры последовательного подчинения: поидѣмъ оу благою **жизнь**· в ни же доветь ны гъ бъ гла· поканте сѧ· (л. 296 об.); и причастники вых^о преу^того его тѣла· и стына **крови**· сю же шмыль **улкеския** грѣхи· и смертью своею оживилъ ѿ века **оумершага**· и дъ же ради соже во адъ· (л. 335); поидѣмъ ко бѹ чистыи ср҃цемъ· с теплыми слезами· и свой грѣх оупоминѣмъ сѧ· и нихъ же боудемъ оутрашьныи днъ ѿвѣчати· коли еси станемъ прѣ глаг^о бѹомъ· и не боуди намъ тажъко· нишего призрети· **мати** дати· та во много намъ помагає· (л. 292 об.);

Примеры параллельного подчинения: аще хощете оувѣдати што есть **алчъва**· алчъвка оувбо есть крылѣ **матни**· то бо есть бжисе стажание· тою ко приближимъ сѧ ибномъ цртвио· (л. 308 об.); и мрна магдалыни· мрна· иакова· и соломонии· кѣпили драматы миро· и хотѣтъ пришедше помазати га· разглино было бытие· и жадание ты женъ· што вѣдати· и видѣти идоу· гдѣ положенъ вѣдеть хѣ· да пришедше споведаютъ вѣнкѣ· воскрѣніе и радость принесоу· родъ во жѣнъскии· што перѣ шсогженъ бы в ран· прельщѣниа ради злииного· тотъ же нине примає добрю честь и видѣніе· (л. 327 об.).

Еще одной характерной чертой языка Четыри является частотное определяющее местоимение *сам*, которое может выражать кореференцию с субъектом предложения, функционально сближаясь с категорией возвратности²³. Причем возможна кореференция внешняя, с антецедентом в предшествующем контексте вне данного предложения, и внутренняя, касающаяся членов одного и того же предложения. Местоимение употребляется в памятнике в разных значениях, в первом и третьем из которых выражается кореференция:

- 1) значение отделения / противопоставления лица или предмета от других лиц или предметов: лютѣ тобѣ дшо· любодѣя шсогжає· а сама боудчи любодѣница· татиє оукарешъ· а сама тако звѣрь уѣжкє емлѣ· лоукавѣ улкѣ не люби· а сама лестью расѣѣсти сѧ хощешьъ· ср҃цемъ льстивыи· на дрога сѣть готови· а на самого тама оуготовлена· горе тобѣ дшо· (л. 355 об.);
- 2) для подчеркивания значимости, особого веса и величия лица или предмета: аще хто црквъ бжисе шсквѣрнить· шсквѣрнить самого бѣ· (л. 364);
- 3) для подчеркивания, что действие или состояние распространяются и на определяемое лицо или предмет; в значении ‘тоже’, ‘также’, ‘и’: не помиловавши· сали ѿ га непомилованы боудоу· (л. 370 об.).

²³ Adamec Př. Рефлексивность и местоимение *сам* // Revue des études slaves. Paris: Institut d'études slaves, 1994. T. 66. Fasc. 3. P. 438.

IV. В Четье регулярно встречаются примеры употребления местоимений с кванторным антецедентом, и подобный тип связи называется *связывание переменной*: местоимение в данном случае выражает переменную, которую связывает квантор. Последний должен линейно предшествовать местоимению, чтобы его связать. Либо квантор должен иметь структурный приоритет (c-command) над местоимением в структуре составляющих — см. Теорию связывания Н. Хомского (Binding Theory), в которой структурно соотносятся разные типы имен и местоимений с их антецедентами²⁴. Аналогичные исследования на материале современных языков проведены в работах Т. Рейнхарт²⁵, Н. В. Ивлиевой²⁶ и др.

Квантор в Четье может выражаться местоимениями: *что* (в преобладающем большинстве случаев), *которыи*, *всъ* — объединяемыми гиперонимом ‘всякий, любой’ и входящими в синтаксическую конструкцию: (*всякий*) *кто..., том...*

Частотное употребление кванторов в Четье объясняется прежде всего жанровой особенностью памятника, характеризующейся обобщенным смыслом (генерализацией), а также повышенной функцией воздействия. В ЕТ в роли аналогичного квантора выступает местоимение *которыи* (см. первый пример):

Которыи во кольвекъ чинъ волю Ѹца моего которыи є на нѣсъ. тотъ в'рать мони и сестра, и мат'ка ми есть. [Мф 12:50]; аще *что* слышавъ сиа словеса а не иметь блости. то преданъ боуде монце веучнои. шгню невгасимою. (л. 294); *что* приислат в домъ свои нищита. то самнго ҳа приислатъ (л. 295); *что* твори волю вжкию. тотъ не погибнетъ в вѣки. (л. 296 об.); *что* творит сѧ ҳа ради. тому готовает сѧ венецъ. (л. 312); а *что* нищимъ матню творить. тому готови вѣнцъ ненизрѣнная блага. а *что* браты своее не люби. тому готовить мѣкоу вѣчнюю. (л. 348 об.); а *что* заповеди єго не иметь творити. тотъ всходит сѧ со грѣшники в мѣкоу вѣчнюю. гдѣ не боудеть помилованыѧ Ѹ ба. а *что* волю є творить. и заповеди єго твори до блудети. тому готовить г҃а вѣнцъ небное цртво. (л. 351 об.); а *которыи* не гораздо слышить. то пытаеть пережъ слышавшаго. (л. 345 об.).

Субстантивированный атрибутив *тотъ* и субстантив *то* в подобных контекстах, как и в деловой письменности XIV–XV вв.²⁷, отсылают ко всему придаточному целиком и выступают в функции детерминатива. Для

²⁴ Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Едиториал УССР, 2002. С. 47.

²⁵ Reinhart T. Coreference and bound anaphora: a restatement of the anaphora questions // Linguistics and Philosophy 6. 1983. P. 47–88.

²⁶ Ивлиева Н. В. Местоимения с кванторным антецедентом в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 144–150.

²⁷ Скрипка В. К. Функционирование местоимения тъ (тотъ) в деловой письменности XIV–XV вв. // Litera, 2022. № 6. С. 61. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38138

конструкции с квантором в зависимой клаузе характерным является предложение «архаического типа»²⁸, т. е. позиция предшествования главной клаузе, что типично и для современного русского языка²⁹. Кроме того, «проста мова», являясь языком pro-drop, при структурном приоритете квантора допускает эллипсис местоимения в главной клаузе: *аще хто црквъ бжии ѿсквернить· ѿсквернить самого бжъ·* (л. 364); *аще хто кого ѿсвѣдѣти· ѿсвѣдѣти самого бжъ·* (л. 332), но такие употребления являются в Четье скорее исключениями.

Выводы

Четья 1489 г., имея церковнославянскую языковую основу, также включает в себя (на разных языковых уровнях) «простомовные» элементы. В данном исследовании описаны диалектные особенности местоименного узса, с опорой на синтаксические роли в предложении и семантику.

Четья отражает переходный характер употребления клитик: большая часть из них кластеризуется, другая имеет более свободное употребление: в частности, возможна постановка *ся* после неодночленной актантной группы. Синтаксические клише с причинным союзом *бо* и клитикой *ся* являются частью персузивного дискурса и характерной чертой «простомовых» текстов конфессионального содержания. По аналогии с древнепольским языком, частица *ся* в Четье может стоять как до, так и после глагола, к которому она относится, а также дистантно, в пост- и препозиции.

Личные местоимения 1 и 2 лица ед. числа в ACC и DAT имеют дублетные формы, краткие из которых употребляются в Четье в качестве энклитик. Употребление личного местоимения *аѣть//я* демонстрирует стилистическую дистрибуцию, отграничиваю речь Господа и Отцов Церкви от прямой речи пророков, апостолов, а также дьявола.

Частицы *бы* и *чи*, оказываясь в позиции начала клаузы (т. е. в случае с частицей *чи* — в абсолютном большинстве примеров), меняют в Четье синтаксическую роль клитики на союзную функцию.

Эпидейктическая речь, преобладающая в Четье и включающая, как жанр риторики, восхваления и порицания, характеризуется высокой степенью воздействия и генерализации. Следовательно, в тексте памятника много обобщений, добиться которых возможно при частотном употреблении кванторов (*хто*, *которыи* и под.). Синтаксис сложный, представлен многочисленными анафорическими цепочками, с последовательным или параллельным подчинением.

²⁸ Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Опера selecta. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. Вып. 35. С. 77–79.

²⁹ Ильиева Н. В. Местоимения с кванторным антецедентом... С. 145.

Литература

- Бевзенко С. П. Історична морфологія української мови (Нариси із словозміні та словотвору). Ужгород: Закарпатське обласне видавництво, 1960. 415 с.
- Вимер Б. Между наклонением и фоссилизацией: о многоликой судьбе клитики *бы* // U prostoru lingvistické slavistike: Zborník naúčních radova. Povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera. Београд: Филолошки факултет, 2015. С. 189–224.
- Гнатенко Л. А. Палеографічно-орфографічна атрибуція української кириличної рукописної книги: Уставні та півуставні кодекси кінця XIII — початку XVII ст. / Відп. ред. Л. А. Дубровіна; НАН України, Національна бібліотека України імені В. І. Вернадського, Інститут рукопису. Київ, 2016. 476 с.
- Грамматики Лаврентія Зизания и Мелетия Смотрицкого / Сост., подг. текста, научный комментарий и указатели Е. А. Кузьминовой, предисловие Е. А. Кузьминовой, М. Л. Ремнёвой. М.: Издательство Московского университета, 2000. 528 с.
- Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск: Навука і тэхніка, 1967. Т. 1. 371 с.
- Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения // Семиотика и информатика. Опера selecta. М.: Языки русской культуры; Русские словари, 1997. Вып. 35. С. 59–107.
- Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки русской культуры, 2008. 281 с.
- Ивліева Н. В. Местоимения с кванторным антецедентом в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: Изд-во РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 144–150.
- Карский Е. Ф. Белоруссы. Язык белорусского племени. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава: Типография Варшавского Учебного Округа, 1908. Т. II.
- Птенцова А. А. Семантика и функции служебного слова ЦИ (ЧИ) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и в современных диалектах. // Вопросы русского языкознания. Функциональные и семантические характеристики, высказывания, слова / Под ред. М. Л. Ремневой и Е. В. Клобукова. М.: Изд-во МГУ, 2000. Вып. 8. С. 209–220.
- Рыко А. И. Вопросительная частица *vs.* разделительный союз: *ти* в говорах русско-белорусского пограничья // Северно-русские говоры / Отв. ред. Е. В. Пурицкая. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2018. Вып. 17. С. 184–204.
- Скрипка В. К. Функционирование местоимения *ты (тотъ)* в деловой письменности XIV–XV вв. // Litera, 2022. № 6. С. 56–65. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38138
- Смирнова Е. А. Евангелие Василия Тяпинского. К реконструкции глагольной системы «простой мовы» / Отв. ред. В. С. Ефимова. М.: Институт славяноведения РАН, 2024. 416 с. DOI: 10.31168/7576-0507-4

Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной. Изд. 2-е испр. и доп. М.: Едиториал УССР, 2002. 480 с.

Ужевич И. Грамматика славянская (рукопись). Париж, 1643.

Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках // Вопросы языко-знания. М., 2012. № 5. С. 3–37.

Янкоўскі А. М. Гістарычна граматыка беларускай мовы. Вучэб. дапаможнік для філал. фак. пед. ін-таў. 2-е выд., выпр. і дап. Мінск: Выш. школа, 1983. 271 с.

Adamec Př. Рефлексивность и местоимение *сам* // *Revue des études slaves*. Paris: Institut d'études slaves, 1994. Т. 66. Fasc. 3. P. 437–440.

Reinhart T. Coreference and bound anaphora: a restatement of the anaphora questions // *Linguistics and Philosophy* 6. 1983. P. 47–88.

Rospond S. Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2005. 224 s.

References

- Adamec, Př., 1994. *Reflexivity and the Use of Pronoun '(one)self'*. In: *Revue des études slaves*. Paris: Institut d'études slaves. Vol. 66. Fasc. 3, pp. 437–440. (In Russian).
- Bevzenko, S. P., 1960. *Historical Morphology of the Ukrainian Language (Essays on Inflection and Word-formation)*. Užgorod: Zakarpats'ke oblasne vidavnictvo. (In Ukrainian).
- Cimmerling, A. V., 2012. *Word Order Systems in Slavic Languages*. In: *Voprosy Jazykoznanija*. Moscow. № 5, pp. 3–37. (In Russian).
- Gnatenko, L. A., 2016. *Paleographic and Spelling Attribution of the Ukrainian Cyrillic Handwritten Book: Statutory and Semi-statutory Codes of the late XIII – XVII centuries*. Vidp. red. L. A. Dubrovina; NAN України, Nacional'na biblioteka України imenì V. I. Vernads'kogo, Institut rukopisu. Kiiv. (In Ukrainian).
- Jankoŭski, A. M., 1983. *Historical grammar of the Belarusian language*. Textbook for the Faculty of Philology of pedagogical universities. Minsk: Vysshaia shkola. 271 p. (In Belarusian).
- The grammar of Laurentius Zizanius and Meletius Smotrytsky*, 2000. Sost., podg. teksta, nauchnyj kommentarij i ukazateli E. A. Kuz'minovoj, predislovie E. A. Kuz'minovoj, M. L. Remnjovoj. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. (In Russian).
- Ivlieva, N. V., 2010. Pronouns with a Quantifier Antecedent in Russian. In: *Computational Linguistics and Technologies. Papers of DIALOGUE–2010*. Moscow: RGGU. 9 (16), pp. 144–150. (In Russian).
- Karskij, E. F., 1908. *Language of the Belarussians. 1. Historical Outline of the Phonetics of the Belarussian Dialects*. Varshava: Tipografija Varshavskogo Uchebnogo Okruga. Vol. II. (In Russian).
- Ptencova, A. A., 2000. *The Semantics and Functions of 'ci' (či) in Old Russian Manuscripts of the XI–XIV centuries and Modern Dialects*. In: *Issues of Russian Lin-*

- guistics. *Functional and Semantic Characteristics, Utterances and Words*. Pod red. M. L. Remnevoj i E. V. Klobukova. Moscow: MGU. 8, pp. 209–220. (In Russian).
- Reinhart, T., 1983. *Coreference and Bound Anaphora: a Restatement of the Anaphora Questions*. In: *Linguistics and Philosophy*, 6, pp. 47–88.
- Rospond, S., 2005. *Gramatyka historyczna języka polskiego z ćwiczeniami*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN. 224 p.
- Ryko A. I., 2018. *Interrogative Particles vs. Dividing Conjunction 'mu' in Russian-Belorussian Border Dialects*. In: *Northern Russian dialects*. Otv. red. E. V. Purickaja. Saint Petersburg: Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN. 17, pp. 184–204. (In Russian).
- Skripka, V. K., 2022. *Functioning of the Pronoun *mъ* (momъ) in Business Writing of the XIV–XV centuries*. In: *Litera*, 2022. №6, pp. 56–65. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.6.38138 (In Russian).
- Smirnova, E. A., 2024. *The Gospel of Vasil Tyapinsky. The Reconstruction of the Verb-system of Prosta Mova*. Otv. red. V. S. Efimova. Moscow: Institut slavjanovedenija RAN, 2024. DOI: 10.31168/7576-0507-4 (In Russian).
- The Modern American Linguistics: Essential Directions*. Pod red. A. A. Kibrika, I. M. Kobozevoj i I. A. Sekerinoj. Izd. 2-e ispr. i dop. Moscow: Editorial USSR. (In Russian).
- Uzhevich, I., 1643. *Slavic grammar* (manuscript). Paris.
- Vimer B., 2015. Between mood and Fossilization: on the Multi-facetted Fate of the Clitic 'by'. In: *Inside the space of Linguistic Slavistics: Works of Scientific Works. Papers in Honor of Predrag Piper on the Occasion of his 65th Birthday*. Belgrade: Faculty of philology, pp. 189–224. (In Russian).
- Zaliznjak, A. A., Paducheva, E. V., 1997. *To the Typology of Relative Sentences. In: Semiotics and Computer Science*. Opera selecta. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury; Russkie slovari. 35, pp. 59–107. (In Russian).
- Zaliznjak, A. A., 2008. *The Old Russian Enclitics*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury. (In Russian).
- Žuraŭski, A. I., 1967. *The History of the Belorussian Literary Language*. Minsk: Navuka i technika. Vol. 1. (In Belarusian).